

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Серия «Страницы истории нашей Родины»

М. М. ГРОМЫКО

СИБИРСКИЕ
ЗНАКОМЫЕ И ДРУЗЬЯ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.
1850—1854 гг.

Ответственный редактор
д-р ист. наук Н. Н. Покровский

Новосибирск
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Сибирское отделение
1985

нов. Но в этом случае, по мнению М. С. Альтмана, «это собственное имя почти нарицательное, соответствующее любому праведнику» [114, 215; 115, 125].

Следует внести существенные дополнения в перечень черт, сближающих Зосиму из «Братьев Карамазовых» с Зосимой Тобольским. Кроме того, сибирские архивные материалы позволяют увидеть конкретные возможности получения Достоевским подробной информации об этом человеке.

З. Б. Верховский был реальным историческим лицом, хотя отдельные эпизоды его биографии начали обрасти легендами уже при его жизни. События, описанные самим Зосимою в «Житии» Василиска (оно одновременно и автобиография в значительной своей части — настолька тесно соединены были их судьбы), а позднее неким учеником Зосимы в его жизнеописании [113], отражены и в сохранившихся до наших дней документальных материалах — в фондах Синода и Тобольской консистории.

Захарий Верховский — по рождению дворянин, из помещиков Смоленской губернии. В чине поручика вышел в отставку и тайно постригся в монахи под именем Зосимы. Вскоре после пострижения стал учеником известного тогда пустынника, старца Адриана, иеромонаха Площанской Богородицкой пустыни в Орловской губернии. В последней четверти XVIII в. Адриан в течение многих лет подвизался в непроходимых брянских лесах. Там с ним и жил Зосима в 1786—1787 годах; позднее снова встретился со своим учителем в Коневском скиту на Украине. В конце XVIII в. Зосима по совету Адриана отправился в Сибирь вместе с другим учеником старца, другом Зосимы, тоже тайным постриженником — Василиском, крестьянином, как было уже сказано, Колдинского уезда. (До прихода к Адриану Василиск жил в скиту в Темниковских лесах Тамбовской губернии.)

Нетрудно заметить, что эта часть биографии Зосимы очень созвучна с той атмосферой возникновения «старчества» на Руси «с конца прошлого столетия», которую передает Достоевский в главе «Старцы» [14, 14, 26—27].

Зосима Достоевского тоже «происходил из помещиков, когда-то в самой ранней юности был военным и служил на Кавказе обер-офицером» [14, 14, 28]. Светское имя его — Зиновий — перекликается с мирским именем Зосимы Тобольского. Особенное сходство с героем Достоевского придает дружба Зосимы Тобольского с Васили-

ком. Верховский встретил Василиска также в начале иночества и многие годы странствовал вместе с ним. Теплые чувства и глубокое уважение его к Василиску подчеркнуты и в эпитафии, высеченной в 1826 г. на мраморной доске на могиле, в ограде Туринского Николаевского монастыря [116, 215], и приведенной в тексте «Жития» Василиска. Зосима и Василиск были оба учениками старца Адриана. Указание Адриана, которое было дано этим двум ученикам, — отправиться в Сибирь — перекликается со случаем, описанным Достоевским для характеристики института старчества [14, 14, 27].

Придя в Сибирь в поисках «уединенного и пустынного места», Зосима и Василиск поселились в лесу, в сорока верстах от города Кузнецка. Позднее в их «Житиях» найдут свое место суровые картины сибирской природы и описания трудностей, таившихся в одинокой таежной жизни. Какой-то крестьянин подвозил старцам пищу ниже к скиту, но до самой избушки добираться не мог. Слухи о них стали распространяться по окрестным деревням и в Кузнецке. Рассказывали даже, что медведи при встречах с ними убегали прочь. Этот древний агиографический сюжет для сибирских условий был вполне актуален. Достоевский включил его в разговор золотого Зосимы с крестьянским юношей [14, 14, 268].

Иноков начали посещать местные жители, а некоторые богомолки поселились потом невдалеке от них и подчинили себя пустынным правилам и уставам*. В сущности характера последующей деятельности сибирского Зосимы, который стал основателем официально признанного женского монастыря, сохранились документы, отравившие имена и сословную принадлежность этих женщин, их отношение к Зосиме, образ жизни. Эти факты нашли в устные рассказы и статьи в местной печати, оказавшиеся доступными для Достоевского во время ссылки. Обстановка, сложившаяся под Кузнецком, а позднее под Туринском, вокруг скита Зосимы и Василиска, ассоциируется с описанием размещения женщин около скита Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «— Из прошлородья женский пол и теперь тут, вои там, лежат у галерейки, ждут. А для высших дамских лиц пристроены здесь же на галерее, но вне ограды, две комнатки, вот эти самые окна, и старец выходит к ним внутренним ходом, когда здоров, то есть все же за ограду. Вот и теперь одна барышня, помещница харьковская, госпожа Хох-

лакова, дожидается со своею расслабленной дочерью [14, 14, 35].

Наиболее активными из кузнецких богомолок, поселившихся около скита и просивших потом Захария Верховского добиться разрешения на основание ижевского монастыря, были коллежская советница Настасия Николаевна Васильева и ее дочь. В сибирском окружении Зосимы перечислялись, кроме того, женщины из мещан, солдатские и купеческие дочери — документальные предвестницы «верующих баб» Достоевского.

Захарий Верховский в 1821 г. преуспел в своих хлопотах перед архиепископом Тобольским Амвросием, а затем и перед Синодом. Александр I утвердил предложение Синода о превращении одного из западных сибирских мужских монастырей в женский; несмотря на избрание настоятельницы, монастырь поручался на первых порах «попечению поручника Верховского, который, не нарушая уединенного жития, удобнее может исполнять сие, жительствуя вне монастыря».

В фонде Синода автором этих строк найдено дело «О обращении Туринского мужского Николаевского монастыря, в Тобольской епархии состоящего, в женское общежитие (1821—1823 гг.)» [117, 1—6]. Из бумаг этого дела вырисовывается необычное положение Зосимы при реорганизации монастыря. Власти называют Верховского поручиком, признавая в то же время его попечителем нового «девичьего монастыря». После того, как состоялся указ Синода о реорганизации (5 ноября 1821 г.), князь П. С. Менцерский запрашивал Тобольск о дальнейшем ходе дел. Архиепископ отвечал ему, что «Г. Верховский отсюда отправился еще в мае месяце, по его словам, в Кузнецк для препровождения желающих подвираться в Туринском монастыре» [117, 175, 2—2 об.]. Документ, связанный с «отставным поручиком Захаром Верховским», обнаружен нами и в фонде Тобольской консистории [118, 49—50 об.]. Он также подтверждает реальность ряда имен и фактов, приведенных в жизнеописаниях Зосимы и Василиска.

Зосима, Василиск и «верующие бабы» перебрались из кузнецких лесов в Туринский монастырь. Здесь, чтобы создать новую обитель, «старцам пришлось вытерпеть немало невприятностей и гонений, не только от местной земской полиции, «искавшей от иночек подарков и взяток, но даже и от духовенства», — так писали позднее

сибирской прессе [119, 82]. Подобные трудности отмечены Достоевским при описании положения института монашества в России [14, 14, 27].

Во всех событиях, связанных с основанием монастыря, возникших позднее внутренних расприх Василиск участвовал, живя нейдалеке пустынником. Из биографии Зосимы (Верховского) он вырисовывается молчаливым и близким по характеру к Анфиму Достоевскому. То же время между Зосимою Тобольским и Василиском существовали отношения ученика и учителя.

В январе 1825 г. указом Синода, повторенным Тобольской консисторией, попечителя Туринского женского монастыря поручика Верховского велено было «от сей должности удалить». После смерти Василиска Верховский оставил Сибирь и в шестидесяти верстах от Москвы, в Верейском уезде, основал пустынную Одигитриевскую девичью общину, где и умер в 1833 г. (по другим данным — в 1835 г.).

Все эти сведения были известны А. И. Сулоцкому, издавшему материалы по истории сибирских церквей монастырей, в том числе и Туринского. В «Авторской поведи», опубликованной после смерти Сулоцкого, есть упоминание на Григория Александровича Варлакова, сослуживца его по Тобольской семинарии (ставшего потом сопричтником Тобольского губернского правления), как на человека, собирающего архивный материал по его поручению [93, 10, 229]. Этот факт интересует нас в той связи, что именно Григорий Варлаков опубликовал в «Тобольских ведомостях» в 1859 г. статью «Туринск», где былаложена история Зосимы — до первого издания его жизни [120]. Статья Варлакова вышла из печати, когда Достоевский был еще в Сибири.

О Зосиме Тобольском Федор Михайлович мог узнать многое от сибирского краеведа Н. А. Абрамова, который при Достоевском жил сначала в Омске, потом — Семипалатинске [28, 3571, 302—313]. По формулярно-списку Николай Алексеевич Абрамов с мая 1853 г. жил в Омске столоначальником Главного управления южной Сибири, а с октября 1854 г. — советником в Семипалатинске. Семипалатинский друг Достоевского Е. Врангель писал 1 января 1855 г. декабристу И. Пущину в Ялуторовск: «Общество здесь породочное можно составить славный круглый; я очень сопелся с Достоевским и Абрамовым» [36, 34, 1 об.]. В марте этого

же года Брангель сообщал в Петербург И. П. Сахарову: «Я сошелся здесь с Абрамовым, которого вы, вероятно, знаете по его статьям» [121, 14161, 17 об.].

К этому времени Абрамов, неутомимый собиратель материалов о сибирской старине, автор многочисленных статей, был уже членом-сотрудником Географического общества и Императорского археологического общества [28, 3571, 307 об. и 309 об.]. В 1858 г. он по-прежнему жил в Семипалатинске и входил в круг знакомых Достоевского, как свидетельствуют документы Омского архива [25, 3893, 217 об.].

Историей Турийского Николаевского девичьего монастыря Н. А. Абрамов занимался специально в течение нескольких лет, и в центре опубликованной им подилической статьи об этом стояла фигура Зосимы Верховского. В статье, изданной в 1865 г., он писал, что к имевшимся ранее в его распоряжении сведениям он прибавил материал, собранный в Турийске в 1863 г. (Абрамов видел, в частности, в монастыре портрет Василиска, писанный маслом) [122, 289—290]. В этом же, 1863-м, году Абрамов прислал в журнал Достоевских «Время» свою рукопись «Спокойная жизнь. Сибирский роман» [123, 287].

Р. Плетнёв высказывал предположение о том, что Достоевский слышал о Зосиме Верховском уже в Сибири. Но Плетнёв связывал эту возможность с жизнью Достоевского в Кузнецке, так как Зосима жил в лесу недалеко от этого города [86, 84]. Кратковременность пребывания писателя в Кузнецке, где его помыслы были заняты свадьбой с Мариной Дмитриевной Исаевой, ставит под сомнение такое предположение. Знакомство Достоевского с Н. А. Абрамовым и А. И. Сулоцким, располагавшим большим материалом о сибирском периоде Зосимы, явление еще при Достоевском сведений о нем в местной периодике — более убедительно говорят о сибирских источниках информации.

Кроме того, устные рассказы о Зосимешли непосредственно из Турийска, с которым достаточно тесно было связано окружение Достоевского. Когда писатель жил в Сибири, в Турийском монастыре еще жили женщины, знающие Верховского и всю его историю (одна из них дожила до 100 лет). В Тобольске в доме у Менделеевых останавливалась во время своих поездок игумения монастыря, приехавшая некогда из-под Кузнецка вместе с Зосимою и Василиском (в этот монастырь собирались

Петр Мичурин — юноша-сибиряк, который пришел к Василиску и Зосиме, когда они жили под Кузнецком. Он знал себя Василиску «с верою и любовью в неразумное и во всякое послушание». Старец отказался быть ему духовным отцом, ссылаясь на свое прародное происхождение, но Петр остался при нем для послушника. Облик юноши Петра и характер взаимоотношений его со старцем несомненно близки к ряду Алеша Карамазова.

Петр, как и Алеша, происходил из дворянской семьи и получил домашнее воспитание. Как и молодому герою Достоевского, Мичурину было двадцать лет, когда он пришел к старцам. Автор жития подчеркивает «простодушное обращение» Петра. Несмотря на молодость, имели он дарование благоразумных советов; еще находясь в мире, был учителем; многих увещевал, даже юноши и вдовы, «Да и во всем пламенел он усердием и чистою любовью, был дружелюбен, благовеен, всегда хвалил и уничтожал себя самого, во всем предъявлял себя худшее и труднейшее, каждому во всем услугу старался и со всеми жил всегда единодушно...» [2, 7].

Эти характеристики прототипа Алеши Карамазова в графии его провозглашены в значительной мере драматично (автор жития раскрывает преимущественно деликатность его вере), у Достоевского же они художественно решены в конкретных ситуациях.

Академиком Д. С. Лихачевым поставлена проблема зодования связи творчества Достоевского с древнерусской литературой [99]. «Русская литература,— пишет Лихачев,— все более и более предстает в своем единстве: единство историческом и единство борьбы и союза внутри данной эпохи» [124]. В этом направлении интересный беллетристический анализ проделан В. Е. Ветловской, сопроводившей «Житие Алексея человека божия» с романом Достоевского. Ветловская показала, что Достоевский сознательно стилизует Алешу Карамазова под героя житийной литературы [125, 162—197].

(Петр Мичурин.— М. Г.) скончался в Сибири прежде своего сына Василиска за несколько лет, а Старец умер 1824 года тоже в Сибири.— Составитель же его жития, монах Зосима, ученик Василиска, скончался 1833 года в сентябре месяце — в старости мастился свидетелем сам подвигов Петра».

Здесь, в письме к Валиханову, Достоевский рассказывает об одной из этих поездок: «Когда мы простились с вами из возка, нам всем было грустно после целый день. всю дорогу вспоминали о вас и в запуски хвалили, до как хорошо было бы, если б вам можно было с нами поехать! Вы бы произвели большой эффект в Барнауле. В Кузнецке (где я был один) (№ это секрет) — чего говорил о вас одной даме; женщина умной, ми-й с душой и сердцем, которая лучший мой друг. Я говорил ей о вас так много, что она полюбила вас никогда видя, с моих слов, объяснения мне, что я изобразил вас какими яркими красками. Может быть, эту прекрасную женщину вы когда-нибудь увидите и будете тоже в числе друзей ее, чего вам желаю. Потому и пишу вам об этом. Я почти не был в Барнауле. Впрочем был на бале успел познакомиться почти со всеми. Я больше жил в Змеинке (5 дней). Потом в Змиеве и в Локте. Демчинский был в своем обыкновенном юморе во все время. Исповедовавший превосходный человек. Я его разглядел еще важе [1, 1, 200].

Федор Михайлович тайно (без разрешения начальства, которым была санкционирована лишь поездка в Барнаул вместе с Демчинским и Семёновым-Тян-Шанским) бывал в Кузнецке у Марии Дмитриевны Исаевой, бывшей жены писателя. Взволнованный рассказ о ней Валиханову, сопровождаемый выражением надежды на их будущие отношения в дальнейшем — еще одно свидетельство чувств Достоевского к Чокану.

Но главное место в этом замечательном письме занимает разговор о самом важном для Валиханова: «Вы пишете, что вам в Омске скучно, — еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить вам с вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему вот что: не бросайтесь заниматься. У вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните мы об этом говорили). Всегда лучше если б вам удалось написать нечто в роде своих Записок о степном быте, вашем возрасте и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы иначе, а вы конечно знали бы, что писать (и. прим. вроде Джона Тиннера в переводе Пушкина, если помните). На вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге» [1, 1, 200—201].

Достоевский затрагивает тему, которая уже ранее, в встречах, обсуждалась, — об исследовании и описании